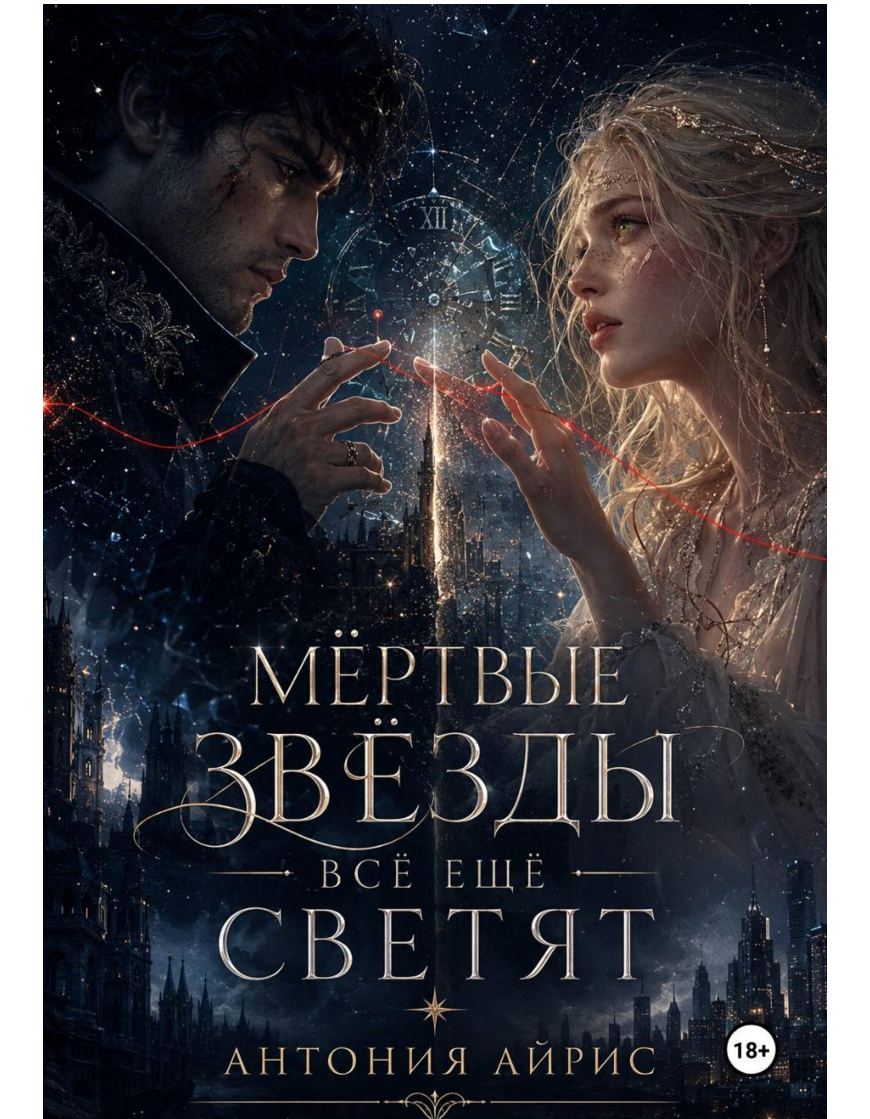

МЁРТВЫЕ ЗВЁЗДЫ

— ВСЁ ЕЩЁ —
СВЕТЯТ

АНТОНΙΑ АЙРИС

18+

Антония Айрис МЁРТВЫЕ ЗВЁЗДЫ ВСЁ ЕЩЁ СВЕТАТ

<https://litres.ru/74033143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то они были двумя звёздами.

Не людьми. Не именами. Не судьбой, записанной в чьей-то книге.

Двумя силами, которые горели рядом так близко, что уже не понимали, где заканчивается один свет и начинается другой.

Потом всё погасло.

Они стали рождаться снова: в холодных землях у первого огня, в городах, которые требовали крови, среди голода, страха, долга, чужих решений и невозможных выборов.

В каждой жизни они чувствуют друг друга раньше, чем понимают.

Тело узнаёт. Сердце тянется. Мир на секунду становится тише. Но красная нить не обещает счастья.

В первой книге начинается путь Леи и Адама — двух душ, которые ещё не знают своих истинных имён, но уже слышат их в огне, в дыму, в чужом голосе и в последнем взгляде перед разлукой.

Это история о любви, которая старше человеческой памяти.

О слиянии, которое может спасти и уничтожить.

О выборе, который бывает правильным — и всё равно забирает самое дорогое. Потому что некоторые звёзды умирают.

Но их свет всё ещё идёт.

Содержание

Часть I · Голод звёзд	5
До того как у них были имена	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антония Айрис МЁРТВЫЕ ЗВЁЗДЫ ВСЁ ЕЩЁ СВЕТАТ

Часть I · Голод звёзд

О книге

Эта рукопись собрана как единое премиальное издание рабочей версии книги. В центре истории — Лея и Адам: эхо давно погасших звёзд, которые снова и снова находят друг друга в разных эпохах, телах, ролях и катастрофах. Это роман о тяге к слиянию, о созависимости, которая разрушает, и о взрослом выборе, который может превратить голод в подлинную близость.

Содержание

Пролог

Часть I · Голод звёзд

Глава 1 · Первый огонь

ПРОЛОГ

До того как у них были имена

Некоторые звёзды умирают. Но их свет всё ещё идёт. И иногда этот свет становится памятью, которую невозможно похоронить.

Они не встретились. Они сначала были одним эхом, которое не умело быть отдельно.

В самом начале не было ни неба, ни земли, ни тех слов, которыми потом люди станут оправдывать свои потери.

Не было «поздно». Не было «нельзя». Не было «я выбираю долг», «я выбираю страх», «я выбираю себя не так, как нужно». Не было домов, поездов, стен, дверей, чужих колец на пальцах и писем, которые слишком долго лежат неотправленными.

Была только темнота.

Но темнота тогда не была пустотой. Она была дыханием до первого вдоха. Глубокой, живой, огромной тишиной, в которой всё ещё могло стать чем угодно.

И однажды в этой тишине дрогнула точка света.

Она появилась не громко. Не как победа. Не как чудо, ради которого кто-то поднимал занавес. Она появилась так, как появляется первая мысль у того, кто долго не помнил себя: осторожно, почти стыдясь собственного существования.

Маленькая золотая точка.

Тёплая.

Слишком тёплая для той безымянной тьмы.

Она светила не потому, что хотела быть видимой. Она светила, потому что иначе не могла. Ее свет был мягким, живым, почти человеческим, хотя людей ещё не было. В нем было что-то от будущих окон, за которыми кто-то будет читать ночью. От свечей, поставленных рядом с кроватью. От рук, которые не умеют спасать мир, но умеют держать страницу, письмо, лицо, чужую боль.

Она была первым теплом.

И долго ей казалось, что этого достаточно.

Но свет, если он живой, рано или поздно начинает искать ответ.

Она тянулась в темноту. Не боялась ее. Разговаривала с ней своим сиянием. Отдавала ей маленькие искры, будто кормила невидимое животное с ладони. Она хотела осветить все. Не потому что была сильной. Потому что не выносила, когда что-то оставалось одно.

И тогда, очень далеко, так далеко, что расстояния ещё не имели смысла, открылся другой свет.

Он был не золотым.

Он был глубоким синим, почти черным, с красным сердцем внутри.

Если она была первым теплом, он был первой гравитацией.

Он не распускался наружу. Он собирал. Он удерживал. Он делал вокруг себя форму, границу, закон. Он не просил темноту отступить. Он заставлял ее вращаться вокруг себя.

Его свет был строже. Резче. Тише.

В нем было что-то от будущих бурь над горами, от железа в крови, от волчьего взгляда в снегу, от мужчины, который однажды войдет в комнату и не повысит голоса, потому что весь мир и так поймет, что он опасен.

Он не хотел быть красивым.

Он хотел быть необходимым.

И, возможно, именно поэтому она первой его заметила.

Сначала они не приближались. Они только чувствовали друг друга на расстоянии.

Она светила шире, когда он был рядом. Он становился тяжелее, устойчивее, когда слышал ее тепло. Ни один из них ещё не знал, что такое одиночество, но оба вдруг поняли, что до этого были неполными.

Это было странное чувство.

Не желание. Не любовь в том смысле, который позже придумают люди. Не нежность, не страсть, не обещание.

Это было узнавание без памяти.

Она не знала его.

Но ее свет уже менялся, когда он приближался.

Он не знал ее.

Но его тьма уже переставала быть только тьмой, когда она смотрела в его сторону.

Они начали вращаться друг вокруг друга.

Сначала медленно.

Как будто Вселенная пробовала первый танец и боялась ошибиться в шаге.

Она оставляла за собой золотую пыль. Он оставлял за собой синюю тень. Между ними тонко, почти незаметно, начала проступать красная линия.

Не цепь.

Не рана.

Ещё нет.

Просто нить света, которая появлялась там, где их силы касались друг друга. Она была тонкой, как волос, но древнее любого будущего языка. Она дрожала, когда они отдалялись, и становилась ярче, когда они снова находили общий ритм.

Они были совершенно разными.

Она хотела раскрыться. Он хотел удержать.

Она верила, что свет становится сильнее, если его отдавать. Он верил, что все живое надо охранять, даже от самого себя.

Она не понимала границ. Он не понимал, как можно любить без границ.

Она тянулась к пустоте, чтобы согреть ее.

Он вставал между ней и пустотой, чтобы пустота не поглотила ее.

И долго это казалось идеальным.

Она думала: он держит меня, когда я слишком много от-

даю.

Он думал: она возвращает мне свет, когда я слишком сильно темнею.

Они не замечали, как это становилось не любовью, а дыханием через другого.

Когда она тускнела, он горел за двоих.

Когда он тяжелел от собственной тьмы, она отдавала ему столько света, что сама становилась прозрачной.

Когда она хотела уйти дальше, увидеть больше, согреть больше, он сжимал вокруг нее орбиту, и она называла это заботой.

Когда он хотел молчать веками, она входила в его темное ядро и вытаскивала оттуда искры, которые он не разрешал никому трогать, и он называл это спасением.

Они становились ближе.

Слишком близко.

Так близко, что однажды темнота между ними исчезла.

А вместе с ней исчез воздух.

В космосе, где ещё не было тел, им стало нечем дышать.

Она больше не знала, где заканчивается ее свет и начинается его синий огонь.

Он больше не знал, что в нем принадлежит ему, а что стало ее теплом, впаянным в его ядро.

Она смеялась вспышками, и он становился ярче.

Он молчал, и она начинала гаснуть, будто его тишина была законом для ее света.

Они не ссорились. У звёзд нет голосов для ссор.

Но их орбиты уже спорили.

Она расширялась.

Он удерживал.

Она хотела верить всему пространству.

Он подозревал все пространство.

Она говорила светом: «Пусти. Я должна коснуться мира».

Он отвечал тягой: «Не уходи. Мир не умеет быть береж-

ным».

Она думала, что он боится потерять ее.

Он думал, что она не ценит то, как сильно он ее защищает.

Так появились первые обиды.

Не человеческие, ещё без слов. Но настоящие.

Обида ее света: почему он зовет любовью то, что не дает мне двигаться?

Обида его тьмы: почему она зовет свободой то, что каждый раз оставляет меня ждать?

И все же они не расходились.

Не могли.

Они уже привыкли существовать как одна двойная звезда.

Если она отдалялась, его ядро начинало звучать пусто. Если он уходил глубже в свою тишину, ее золотое тело дрожало, будто кто-то вынул из него смысл.

Она боялась стать просто светом без дома.

Он боялся стать просто силой без причины.

И каждый раз, когда между ними появлялась боль, они

делали то, что потом будут делать во многих жизнях.

Не говорили правду.

Сливались сильнее.

Она давала больше света.

Он давал больше защиты.

Она становилась мягче там, где надо было стать честнее.

Он становился крепче там, где надо было отпустить.

И Вселенная, которая ещё училась понимать свои собственные законы, смотрела на них и молчала.

Потому что это было красиво.

А красивое очень часто обманывает даже тех, кто его создал.

Две звёзды рядом.

Золото и синий.

Тепло и гравитация.

Свет и буря.

Они освещали друг друга так ярко, что вокруг них начали рождаться первые пылинки будущих миров. Их сияние задевало темную материю, и та складывалась в спирали. Их красная нить дрожала, и из этой дрожи появлялись первые ритмы. Там, где она смеялась, пространство становилось мягче. Там, где он удерживал, хаос становился формой.

Если бы тогда уже были люди, они бы назвали это любовью.

Если бы тогда уже были поэты, они бы солгали и сказали: «Они были созданы друг для друга».

Но правда была сложнее.

Они были созданы разными.

И именно поэтому потянулись друг к другу с такой страшной силой.

Она любила в нем то, чего в ней не было: твердость, предел, способность стоять перед тьмой и не распадаться.

Он любил в ней то, чего в нем не было: тепло без расчета, доверие без брони, свет, который не спрашивал разрешения быть нежным.

Они хотели не просто любить.

Они хотели стать друг другом.

И это было первой ошибкой, которую никто тогда не умел назвать.

Однажды она попыталась уйти дальше, чем обычно.

Не навсегда. Нет.

Она просто увидела вдалеке холодную, несформированную область тьмы, такую одинокую, что ее свет потянулся туда сам.

Он почувствовал это раньше, чем она успела понять.

Красная нить натянулась.

Его синее тело вспыхнуло тревогой.

Он потянул ее назад.

Слишком резко.

Она вздрогнула всем светом.

Впервые между ними прошла не нить, а боль.

Маленькая красная трещина.

Он испугался.

Она тоже.

Они оба сделали вид, что ничего не произошло.

Она приблизилась сама, чтобы он не подумал, что она хочет уйти.

Он расширил вокруг нее свою орбиту, чтобы она не почувствовала удар.

Они снова стали красивыми.

Но теперь внутри их красоты что-то тикало.

Невидимое.

Будущее.

Потом это случилось снова.

И снова.

Каждый раз, когда она тянулась к неизвестному, он удерживал. Каждый раз, когда он становился слишком тяжелым, она отдавала ему ещё часть себя. Они называли это верно-стью. Они называли это близостью. Они называли это «мы».

Но их «мы» становилось огромным.

Слишком огромным для двух звёзд.

Оно съедало «я».

Ее свет начал бледнеть по краям.

Его ядро стало гореть краснее.

Тьма вокруг них уже не была спокойной. Она двигалась. Слушала. Сгущалась там, где их нить пульсировала слишком сильно.

Они не заметили.

Влюбленные звёзды редко замечают, что пространство вокруг них меняется, если смотрят только друг на друга.

И была ночь без ночи, потому что суток ещё не существовало.

Была тишина без звука, потому что у пустоты ещё не было ушей.

И в этой тишине она впервые погасла на мгновение.

Совсем чуть-чуть.

Так мало, что другая звёзда могла бы не заметить.

Но он заметил.

Он заметил раньше нее.

В нем что-то оборвалось.

Не мысль. Не страх. Глубже.

Он рванулся к ней всем своим синим телом, всей тяжестью, всем красным сердцем, которое до этого веками держал под контролем.

Она вспыхнула от его прикосновения, но не потому, что стала сильнее.

Потому что он отдал ей часть своего ядра.

Там, где его сила вошла в ее свет, появилась новая красота.

Страшная красота.

Красота, от которой рождаются легенды и катастрофы.

Она снова засияла.

Ярче прежнего.

Он ослаб.

Она почувствовала это и испугалась так сильно, что отдала ему обратно свой свет.

Он вспыхнул.

Она побледнела.

Он снова потянулся.

Она снова отдала.

Так начался их первый круг.

Не танец.

Не любовь.

Голод.

Они кормили друг друга собой.

Сначала понемногу.

Потом все больше.

Они думали, что спасают.

На самом деле они учились исчезать друг в друге.

Если бы тогда существовало слово «нельзя», оно, возможно, спасло бы их.

Но не было слова.

Была только красная нить, ставшая толще.

Был свет, который плакал искрами.

Была тьма, которая держала так крепко, что сама начинала трескаться.

Была она, шепчущая без голоса: «Не оставляй меня одной с моим светом».

Был он, отвечающий без языка: «Не заставляй меня быть тьмой без тебя».

И где-то очень далеко, в ещё не рождённых мирах, будущие океаны вздрогнули, будто уже знали вкус соли.

Потому что звёзды тоже умеют плакать.

Только их слезы становятся кометами.

Ее первые слезы ушли в пространство золотыми хвостами. Его первые слезы были темными, тяжелыми, с красным огнем внутри. Они падали туда, где когда-нибудь появятся ночи, и оставались в них маленькими точками тоски.

Они плакали не от боли.

Ещё нет.

Они плакали от невозможности быть достаточно близко.

Это самый опасный вид тоски.

Когда уже близко.

Когда уже внутри.

Когда другой стал твоим воздухом.

И все равно кажется: мало.

Мало света.

Мало защиты.

Мало слияния.

Мало «мы».

Тогда она сказала первое обещание.

Не словами. Светом.

«Если ты начнешь гаснуть, я буду светить за нас обоих».

Он ответил первым законом.

Не словами. Гравитацией.

«Если мир потянется к тебе, я стану между вами».

Они оба думали, что это любовь.

И, возможно, часть этого действительно была любовью.

Самая нежная часть.

Самая чистая.

Та, которую потом будут искать все их будущие сердца.

Но внутри обещания уже жила опасность.

Никто не должен светить за двоих.

Никто не должен становиться стеной между любимым и всем миром.

Только тогда никто этого не сказал.

Их связь стала такой яркой, что начала мешать другим светам рождаться рядом. Пространство выгибалось. Пыль будущих миров то собиралась, то рассыпалась. Там, где их нить проходила через тьму, оставались красные шрамы.

Она смеялась реже.

Он молчал глубже.

Они всё ещё любили.

Может быть, даже сильнее.

Но их любовь стала похожа на звезду, которая не знает, что уже умирает, потому что снаружи всё ещё выглядит прекрасной.

И потом наступил миг, который не должен был наступить.

В ней снова дрогнул свет.

На этот раз дольше.

Она попыталась скрыть это, как потом будет скрывать усталость в других жизнях: улыбкой, молчанием, красивым

видом, слишком мягким «все хорошо».

Но у звёзд нет лиц.

Скрывать можно только от того, кто не знает тебя насквозь.

Он знал.

Он увидел, как ее золотое тело стало тоньше. Как по краям ее света прошла прозрачность. Как красная нить между ними не сияла, а кровоточила.

И тогда он сделал то, что потом будет делать много раз.

Он решил спасти ее без ее согласия.

Не из жестокости.

Из ужаса.

Из любви, которая не умела стоять рядом и спрашивать.

Он раскрыл свое ядро.

Все.

Синий свет стал черным. Красное сердце вырвалось наружу. Вся его тяжесть, вся его сила, весь его страх потерять ее хлынули к ней огромной волной.

Она закричала светом.

Не потому, что не любила.

Потому что поняла: если он отдаст ей себя целиком, он исчезнет.

И впервые она не приняла.

Она толкнула его свет обратно.

Не смогла иначе.

Ее золотая вспышка ударила в его раскрытое ядро.

Его красное сердце столкнулось с ее белым огнем.

На одно невозможное мгновение они стали тем, чего так долго хотели.

Одним.

Совершенно одним.

Без расстояния.

Без края.

Без «ты» и «я».

И это оказалось не раем.

Это оказалось концом формы.

Потому что когда две звёзды, созданные разными, пытаются стать одной, мир не получает любовь.

Мир получает взрыв.

Сначала исчез звук, которого ещё не было.

Потом исчезла темнота.

Потом пространство раскрылось, как рана.

Их общий свет ударил во все стороны. Золото, синий, красный, белый, чёрный — все смешалось в такой яркости, что будущие галактики запомнили ее как первое горе.

Она пыталась удержать его.

Он пытался закрыть ее собой.

Они оба опоздали.

Их тела распались.

Их свет разорвало.

Их имена, которых ещё не было, не успели появиться.

Красная нить вытянулась между осколками, стала тонкой,

почти невидимой, но не порвалась.

Она летела в одну сторону, рассыпаясь теплыми искрами.

Он летел в другую, оставляя за собой темную синюю пыль.

Между ними не было ни слов, ни рук, ни обещаний.

Только последнее знание.

Не мысль.

Не фраза.

Знание, которое будет потом просыпаться в них чужими снами, странной тоской, болью в груди без причины, страхом опоздать, привычкой искать лицо в толпе, любовью к окнам, книгам, бурям, звёздам, дождю, чужим городам, дверям, которые почему-то хочется открыть.

Знание было простым.

Они были не готовы быть одним.

Но уже не могли забыть, что нашли друг друга.

Их свет продолжал идти.

Через пустоту.

Через пыль.

Через ещё не рождённые солнца.

Через будущие моря, где однажды будут тонуть корабли.

Через будущие города, где будут гореть дома.

Через будущие стены, двери, вокзалы, больницы, площади, театры, окна, письма и ладони, которые почти коснутся.

Но этого они ещё не знали.

Пока не было ни людей, ни жизней, ни ошибок.

Было только эхо.

Древнее.

Красное.

Живое.

И где-то в темноте, среди осколков двух погибших звёзд, одна искра всё ещё тянулась к другой.

Не чтобы стать ею.

Ещё не зная, как иначе.

Просто потому, что даже мёртвые звёзды продолжают светить туда, где их однажды любили.

ЧАСТЬ I

ГОЛОД ЗВЁЗД

Они не хотели любви. Они хотели перестать быть отдельными.

ГЛАВА 1

Первый огонь

Иногда первая человеческая любовь начинается не с поцелуя. Иногда она начинается с того, что кто-то приносит тебе огонь.

У огня было два правила: его нельзя было оставлять голодным и нельзя было смотреть в него слишком долго.

Эла нарушила оба.

Она сидела у каменного очага, поджав под себя босые ступни, и кормила пламя тонкими сухими ветками можжевельника, хотя старуха Мара ещё на закате сказала: «Хватит. Ночь будет тёплая». Старуха Мара вралла, как всегда вралли старые люди, когда хотели проверить, кто из молодых уме-

ет думать без приказа. Ночь не будет тёплой. С гор сползал ветер, острый и мокрый, и его дыхание уже трогало вход в пещёру, шевеля подвешенные шкуры.

Огонь отвечал Эле потрескиванием. В нём было что-то почти разговорное: маленькая злость, если ветка была сыровата; довольный вздох, если сухая; короткий смех, если из смолы выстреливала искра.

Эла знала эти голоса лучше, чем голоса людей.

Люди всё время говорили одно, а делали другое. Огонь был честнее. Если он хотел есть, он ел. Если его душили, он чернел. Если ему давали воздух, он становился выше.

С людьми было сложнее.

Эла протянула руку к мешочку с сухим грибом-трутови-ком и остановилась. У входа в пещёру мелькнула тень.

Не зверь.

Звери шли иначе. Они не задерживали дыхание перед тем, как войти туда, где их могли заметить.

Она не подняла головы, только взяла тонкую ветку и положила её в огонь.

— Если ты пришёл красть мясо, — сказала она, — то поздно. Старшие уже всё съели, а младшим оставили жилы и сказали, что это учит терпению.

Тень у входа замерла.

Потом человек тихо усмехнулся.

Не громко, не открыто, не так, как смеялись мальчишки у реки, когда бросали друг в друга рыбы головы. Этот смех

был низкий, короткий, будто человек поймал себя на том, что забыл быть осторожным.

— Я пришёл за огнём, — сказал он.

Эла подняла глаза.

В пещёре было темно, но огонь делал лица честными. Он не украшал. Он вытаскивал наружу то, что дневной свет ещё мог спрятать. И потому Эла сразу увидела: чужак не был мальчиком из соседнего стойбища.

Он был выше. Темнее. На плечах у него висела мокрая шкура, а волосы прилипли ко лбу после дождя. На скуле темнела полоска крови — не свежая, уже подсохшая. В руке он держал копье, но так, будто копье было продолжением руки, а не угрозой. Его глаза не бегали по пещёре в поисках еды, женщин или выхода. Они остановились на ней.

И мир, который всегда шумел, вдруг стал тише.

Не совсем тихим. Где-то за спинами спали дети, хрипел старый Дор, капала вода с каменного выступа, снаружи ворчала река. Но всё это отодвинулось, как если бы кто-то положил ладонь на рот самому миру.

Эла почувствовала, как её дыхание изменилось.

Не быстрее. Не медленнее.

Чужое.

Будто она вдохнула не воздух, а память о воздухе, которым уже когда-то дышала.

Чужак тоже это почувствовал. Она поняла по тому, как он на миг перестал быть охотником. Опасное в нём никуда

не исчезло, но замерло. Как волк, который вышел к ручью и увидел в воде не добычу, а луну.

— За огнём приходят с чашей, — сказала Эла.

Голос у неё вышел слишком ровный. Ей это не понравилось. Когда женщина говорит слишком ровно, мужчины думают, что она боится. Когда говорит резко — что её надо сломать. Эла ещё не решила, что безопаснее.

Чужак опустил взгляд на свои пустые руки и снова почти улыбнулся.

— У меня была чаша.

— Она решила жить отдельно?

— Она решила разбиться о камень, когда я падал с тропы.

Эла впервые заметила, что правая нога у него стоит не так. Он держался прямо, но вес переносил на левую. Гордыня делала людей смешными. Даже раненые мужчины старались выглядеть так, будто это земля у них под ногами виновата, а не боль.

— Значит, ты не пришёл за огнём, — сказала она. — Ты пришёл за женщиной, которая даст тебе огонь, потому что ты слишком гордый попросить лечить ногу.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты всегда говоришь так, будто бросаешь камни?

— Нет. Иногда я бросаю камни.

На этот раз он рассмеялся по-настоящему.

Эла успела подумать, что у него хороший смех. Плохая мысль. Опасная. У мужчин с хорошим смехом женщины ча-

ще забывали, что потом им всё равно придётся слушаться старших, рожать детей, хранить очаги и не идти туда, куда тянет кровь.

Она взяла маленький глиняный черепок, поддела им уголь и положила сверху сухой мох. Затем поднялась.

— Сядь.

— Я не

— Сядь, пока не упал. Если умрёшь у нашего входа, Мара скажет, что это дурной знак, и заставит меня три дня жечь травы. Они воняют хуже мёртвого козла.

Чужак послушался не сразу. Конечно. Сначала он оценил пещёру, расстояние до других спящих, её руки, очаг, выход, оружие, которого у неё якобы не было. Потом сел на камень у стены. Сделал это медленно, почти красиво, и только в конце губы у него побелели.

Эла взяла кожаный мешок с травами и подошла.

Вблизи он пах дождём, кровью, дымом чужого костра и чем-то горьким, как полынь. Его плечо было разорвано под шкурой, но не это привлекло её внимание. На запястье у него была тонкая красная полоска. Не кровь. Шнур. Старый, выцветший, завязанный простым узлом.

Она уставилась на него дольше, чем нужно.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Люди говорили «ничего» в трёх случаях: когда было ничего, когда было слишком много, и когда правду нельзя бы-

ло произносить без последствий.

Это был третий случай.

Эла коснулась его колена, чтобы повернуть ногу к свету, и в ту же секунду огонь в очаге поднялся выше.

Не от ветра. Не от смолы.

От неё.

От него.

От того, что между ними вдруг вспыхнуло так резко, будто кто-то подбросил в мир сухую траву.

Они оба посмотрели на пламя.

— Ты это сделала? — тихо спросил он.

— Нет.

— Врёшь.

— Да.

Он повернул голову к ней. Теперь они были слишком близко. Так близко, что Эла увидела тонкую светлую линию старого шрама у него под нижней губой. И ещё — странную усталость в глазах. Не усталость сегодняшнего дня. Не от падения, не от крови, не от дороги. Она была глубже, старше его лица.

Так смотрят не те, кто долго шёл.

Так смотрят те, кто долго возвращался и каждый раз не находил дома.

У Элы дрогнули пальцы.

Она могла бы отступить. Должна была. Чужие мужчины не сидели у очага ночью. Девушки, которым уже назначили

мужчину из соседнего рода, не трогали колени охотников с перевалов. А тех, кто слышал огонь, вообще берегли как нож из хорошего камня: не для любви, а для пользы.

Её уже обещали.

Не сегодня и не вчера. Такие решения не делались быстро. Старшие говорили: женщина не уходит из рода, она связывает роды. Как ремень связывает наконечник с древком. Как сухожилие держит кость. Как шов держит шкуру.

Эла слушала и кивала.

Она давно научилась кивать так, чтобы люди думали, будто она согласна.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она не ответила сразу.

Имя было вещью не маленькой. Его не бросали чужаку ночью, как косточку собаке. Имя можно было забрать в сон, привязать к проклятию, повторять над водой, пока человек не начнёт болеть. Так говорила Мара. А Мара часто преувеличивала, но редко ошибалась там, где дело касалось страха.

— Эла, — сказала она.

Звук не прозвучал. И всё равно она его услышала.

Лея.

Но когда чужак повторил его одними губами, Эле показалось, что его рот почти сложился иначе. Мягче. Длиннее. Как будто за её именем стояло другое — то, которое нельзя было знать в этой пещёре.

Это было её земное имя: короткое, удобное, пригодное

для крика у реки, для приказа у очага, для будущего мужа, которому старшие уже почти отдали её жизнь.

Он повторил имя без голоса. Одними губами.

И ей стало страшно.

Не потому что он произнёс его. А потому что на его губах оно выглядело не новым.

— А ты? — спросила она.

— Арэн.

Она не знала этого слова. Не могла знать. И именно поэтому испугалась.

Адам.

Под ним было другое.

Он сказал это твёрдо, как говорят имя, которым можно прикрыться от чужого взгляда. Но Эла вдруг почувствовала: это имя лежит на нём сверху. Как мокрая шкура на плечах. Как вещь нужная, но не окончательная.

Имя упало между ними тяжело, как камень в воду.

Эла знала только, что имя Арэн не должно было так быстро поселиться у неё под кожей. Оно было чужим. А всё чужое в её мире сначала проверяли огнём, голодом и старшими женщинами.

Не сейчас.

Не здесь.

Не с чужаком у очага.

— Ты из людей за северным хребтом, — сказала она, чтобы вернуть миру форму.

— Был.

— Был?

— Теперь не знаю.

Он сказал это просто, и от этой простоты стало холоднее.

Эла разрезала его мокрую повязку костяным ножом. Под ней кожа вокруг раны припухла, но глубокого гниения ещё не было. Она наклонилась ближе, понюхала.

Арэн не пошевелился.

— Ты нюхаешь людей, когда лечишь? — спросил он.

— Нет. Только тех, кто может сгнить до утра.

— Заботливо.

— Я не заботливая. Я практичная.

— Это одно и то же, если человек выживает.

Эла замерла.

Вот так он говорил: грубо, коротко, будто ставил камни в стену. Но иногда между камнями оставалась щель, и оттуда шёл свет.

Она промыла рану водой с горькой травой. Он даже не выругался. Только посмотрел в сторону и сжал зубы.

— Можно кричать, — сказала она. — Тут все спят как убитые. Кроме Мары. Но она всё равно притворяется, что знает чужую боль лучше самой боли.

— Я не кричу.

— Почему?

— Потому что тогда люди думают, что могут прийти ближе.

Вот оно.

Не рана. Не кровь. Не шрам.

Вот что в нём было опаснее копыя.

Он не боялся боли. Он боялся, что боль станет дверью.

Эла вдруг поняла это с такой ясностью, будто сама когда-то была этой дверью и её захлопнули перед лицом.

Она приложила к ране травы и привязала их полосой чистой кожи. Его тело было горячим под её пальцами. Слишком живым. Слишком реальным после всех её разговоров с огнём и травами.

— У тебя руки холодные, — сказал он.

— У тебя кровь горячая.

— Это жалоба?

— Наблюдение.

— Ты всем мужчинам так отвечаешь?

— Только тем, кто падает с горы и потом делает вид, что пришёл за углём.

Он снова улыбнулся. И Эла впервые позволила себе улыбнуться в ответ.

Это было крошечное преступление.

Совсем маленькое. Меньше украденной ягоды, меньше лишнего куска жира, меньше слова, сказанного старшей женщине в спину.

Но некоторые преступления не требуют свидетелей. Тело само помнит, что оно сделало.

В глубине пещёры зашевелилась Мара.

Эла отступила так быстро, будто её поймали с рукой в чужом мешке. Арэн заметил. Конечно заметил. Такие мужчины замечали всё, что могло стать опасностью.

Из темноты поднялся голос старухи:

— Если ты приведёшь нам беду, девочка, пусть она хотя бы будет с мясом.

Эла закрыла глаза.

Арэн посмотрел в темноту.

— У меня есть только нож и плохая нога.

— Значит, беда пришла бедная, — сказала Мара. — Худший вид беды. Богатую можно ограбить.

Где-то рядом хрюкнул от смеха полусонный мальчик.

Уют вернулся внезапно и почти жестоко: спящие тела, дым, старушечий яд, огонь, чужак с перевязанной ногой. На один миг всё стало простым. Будто мир был не клеткой правил, а местом, где можно посмеяться ночью и никому не умереть от этого.

Эла ненавидела такие минуты.

Они обманывали лучше любых обещаний.

К рассвету дождь закончился.

Пещёра начала просыпаться: дети плакали от голода, мужчины искали свои ремни, женщины проверяли корзины, Мара ругалась на всех, кто дышал слишком громко. Арэн сидел у выхода, уже на ногах, уже чужой. Ночная близость исчезала с него, как пар с камня.

Эла принесла ему маленький черепок с тлеющим углём.

— Вот твой огонь.

Он взял его осторожно, будто это было не пламя, а сердце маленького зверька.

— Я верну.

— Огонь не возвращают. Его несут дальше.

Арэн посмотрел на неё, и опять мир стал меньше.

— Тогда я вернусь с другим.

Она должна была сказать: не надо. Должна была рассмеяться. Должна была попросить мясо, соль, кремён, что угодно полезное. Но в горле стояло что-то слишком большое для разумной женщины.

— Тебе нельзя часто ходить через северную тропу, — сказала она. — Камни там мокрые даже в сухой день.

— Ты волнуешься?

— Я не люблю зря тратить травы.

— Практично.

— Я уже говорила.

— Я запомнил.

Он ушёл после солнца, когда мужчины решили, что раненый чужак не стоит копыа, а женщины — что он слишком красив, чтобы обсуждать это вслух. Эла смотрела, как он спускается к реке. Один раз он обернулся.

Только один.

И этого хватило, чтобы весь день стал неправильным.

Неправильной стала вода, потому что в ней отражалось небо, которое он видел по дороге. Неправильной стала кор-

зина, потому что её ремень тёр ладонь в том месте, где она касалась его кожи. Неправильными стали голоса людей, потому что в каждом был не его голос.

Вечером пришёл её обещанный мужчина.

Его звали Рун.

Он был не плохой. Это было хуже.

Плохого можно ненавидеть чисто. Рун был крепкий, спокойный, с руками, которые умели чинить ловушки и не били детей без причины. Он принёс её матери полоску сушёного мяса, Маре — кусок жирного корня, а Эле — бусину из голубого камня. Смотрел на неё с честной гордостью человека, который уже мысленно положил её в свой дом рядом с очагом, шкурами и будущими сыновьями.

— Цвет неба после дождя, — сказал он, протягивая бусину.

Эла взяла её.

— Красиво.

— Я сам выменял.

— Значит, дорого.

— Ты стоишь дорого.

Он сказал это как похвалу.

Эла почувствовала, как внутри неё что-то тихо закрылось.

Рун не был жестоким. Он просто говорил языком мира, где женщину можно было оценить правильно и тем самым сделать ей честь.

Она улыбнулась. Почти тепло. Почти честно.

Мара, сидевшая у входа, посмотрела на неё и ничего не сказала.

Это было тревожнее любого крика.

Следующие дни стали длинными.

Арэн не возвращался.

Эла говорила себе, что не ждёт. Она работала: сушила травы, растирала кору, меняла повязки детям, чинила корзину, слушала Марины истории о людях, которые умерли, потому что думали не тем местом. Она даже смеялась с другими девушками, когда они обсуждали, как Рун пытается выглядеть равнодушным и каждый раз подходит к воде именно тогда, когда Эла стирает там шкуры.

Но тело её ждало без разрешения.

Вот что было унижительно.

Разум мог сказать: чужак ушёл. Разум мог перечислить: Рун надёжен, род доволен, зима близко, очаг нужен, дети будут здоровые, северная тропа опасна. Разум мог быть старше, чем Мара.

Тело было глупее.

Оно поднимало голову на каждый хруст ветки. Оно узнавало запах дождя раньше носа. Оно просыпалось ночью за миг до того, как в пещёру входил ветер. Оно помнило чужое имя так, будто имя было не звуком, а теплом под кожей.

На четвёртую ночь он вернулся.

Без мяса.

С огнём.

Он стоял у входа, мокрый от тумана, и держал в руках не черепок, а маленькую лампу из камня, грубо выдолбленную, с жиром и тонким фитилём. Пламя в ней было спокойное, жёлтое, почти домашнее.

Эла уставилась на лампу, потому что на него смотреть было опаснее.

— Ты сказал, что вернёшься с другим огнём, — сказала она.

— Я редко говорю лишнее.

— Неправда. Ты сказал, что пришёл за углём.

— Это было стратегией.

— Это было глупостью.

— Глупость тоже стратегия, если работает.

Она закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться слишком громко.

И вот так началось их невозможное.

Не с признаний. Не с клятв. Не с того, что он схватил её и увёл под луну, как потом стали бы петь трусливые певцы для женщин, которым хотелось опасности без последствий.

Их невозможное началось с лампы.

Арэн приходил под предлогами. То менял кремён на травы. То приносил сухожилия для нитей. То спрашивал, как сушить кору, хотя по его лицу было видно, что кору он мог высушить лучше половины её рода. Эла лечила ему ногу, потом плечо, потом маленький порез на ладони, который он явно мог бы пережить без неё.

— Ты издеваешься, — сказала она однажды, обматывая его палец.

— Я ранен.

— Ты оцарапан.

— Боль нельзя мерить твоим презрением.

— Боль можно мерить тем, сколько крови мне пришлось вытирать. Здесь меньше, чем у моей младшей сестры, когда она укусила сама себя, чтобы не делиться ягодами.

— Умная девочка.

— Она трёхлетняя преступница.

— Тем более.

Он умел смешить её так, что смех появлялся раньше решения. Это было нечестно. Эла считала смех самой опасной формой доверия: когда человек смеётся, он на миг перестаёт держать оружие внутри.

Но настоящая опасность была не в смехе.

Она была в тишине после него.

Потому что в тишине они слышали друг друга слишком хорошо.

Однажды он пришёл днём, когда остальные ушли к реке. Небо было низкое, белёсое, без солнца. Эла сидела у очага и перебирала травы. Арэн вошёл, увидел, что они одни, и остановился.

Так резко, будто наткнулся на копьё.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Это моё слово.

— У тебя много слов.

— И все полезные.

Он поставил у стены связку тонких веток.

— Для огня.

— Огонь благодарит.

— А ты?

Вопрос был слишком простым. От простых вопросов чаще всего начинались несчастья.

Эла посмотрела на него. На мокрые волосы. На красный шнур на запястье. На руки, которые могли убить зверя и при этом держали её травы так осторожно, будто от них зависел порядок мира.

— Я не должна быть благодарна тебе слишком часто, — сказала она.

— Почему?

— Потому что благодарность привязывает.

— А ты не хочешь быть привязанной?

Она усмехнулась.

— Меня уже привязали.

Он понял сразу.

Вот что было в нём страшным: ему не нужно было объяснять там, где другие мужчины потребовали бы имена, даты, обещания, доказательства. Арэн просто стал тише.

— Кто?

— Рун.

— Ты хочешь его?

Эла могла бы солгать. Хорошо, правильно, спокойно. В её мире женщины лгали без конца: я рада, мне не больно, он хороший, я привыкну, дети важнее, род знает лучше. Эта ложь держала пещёры теплее огня.

Но перед Арэном ложь становилась тяжёлой.

Не невозможной. Хуже.

Бесполезной.

— Он не плохой, — сказала она.

— Я спросил не это.

— А я ответила на то, на что могу.

Арэн кивнул.

Его лицо закрылось.

Так захлопывались ловушки.

— Тогда я больше не приду.

Слова были сказаны спокойно. Слишком спокойно. Эла почувствовала, как воздух вышел из пещёры.

— Из-за него?

— Из-за тебя.

Вот так.

Просто.

Без крика. Без просьбы. Без выбирай.

Он сделал шаг к выходу, и Эла вдруг поняла, что всё её тело сейчас бросится за ним, если она не прикажет себе сидеть.

Сидеть. Дышать. Быть разумной. Быть дочерью рода. Быть

будущей женщиной Руна. Быть полезной. Быть живой.

Но что такое живой, если внутри тебя в этот момент что-то ложится на землю и скулит?

— Арэн.

Он остановился.

Не повернулся.

— Ты трус, — сказала она.

Он медленно обернулся.

— Осторожно.

— Нет. Это ты осторожно. Ты пришёл, зажёг тут всё, принёс свои ветки, свои раны, свои смешные стратегии, а теперь уходишь, потому что я не могу за один вдох порвать то, чем меня связывали всю жизнь.

Его глаза потемнели.

— Я ухожу, потому что если останусь, я захочу забрать тебя.

— А спросить меня?

— Ты уже ответила.

— Я сказала, что он не плохой!

— Для тебя это, кажется, достаточно.

Это ударило сильнее, чем должно было.

Потому что он был прав — и не прав одновременно.

Рун не плохой. Рун надёжный. Рун из мира, где женщина выживет, если будет разумной. Но Арэн был из другого места. Из такого, где выживание без слияния уже казалось разновидностью смерти.

Эла поднялась.

— Ты хочешь, чтобы я сказала: забери меня?

Он смотрел на неё так, будто она подошла к краю обрыва.

— Нет.

— Врёшь.

— Да.

Слово вернулось к ним из первой ночи, и вдруг стало не смешно.

Она подошла ближе. Один шаг. Потом второй.

Между ними оставалось расстояние в ладонь.

Мир опять стал тише. Но теперь в этой тишине было не узнавание, а голод.

Не нежный. Не красивый.

Древний.

Тот самый голод, который заставляет корни искать воду под камнем. Пламя — тянуться к воздуху. Зверя — возвращаться к ране, даже если там ждёт копьё.

Эла не хотела любви. Она даже не знала, что это слово может значить за пределами песен и обменов между родами.

Она хотела перестать быть отдельной.

И по тому, как Арэн закрыл глаза на один короткий миг, она поняла: он хочет того же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.